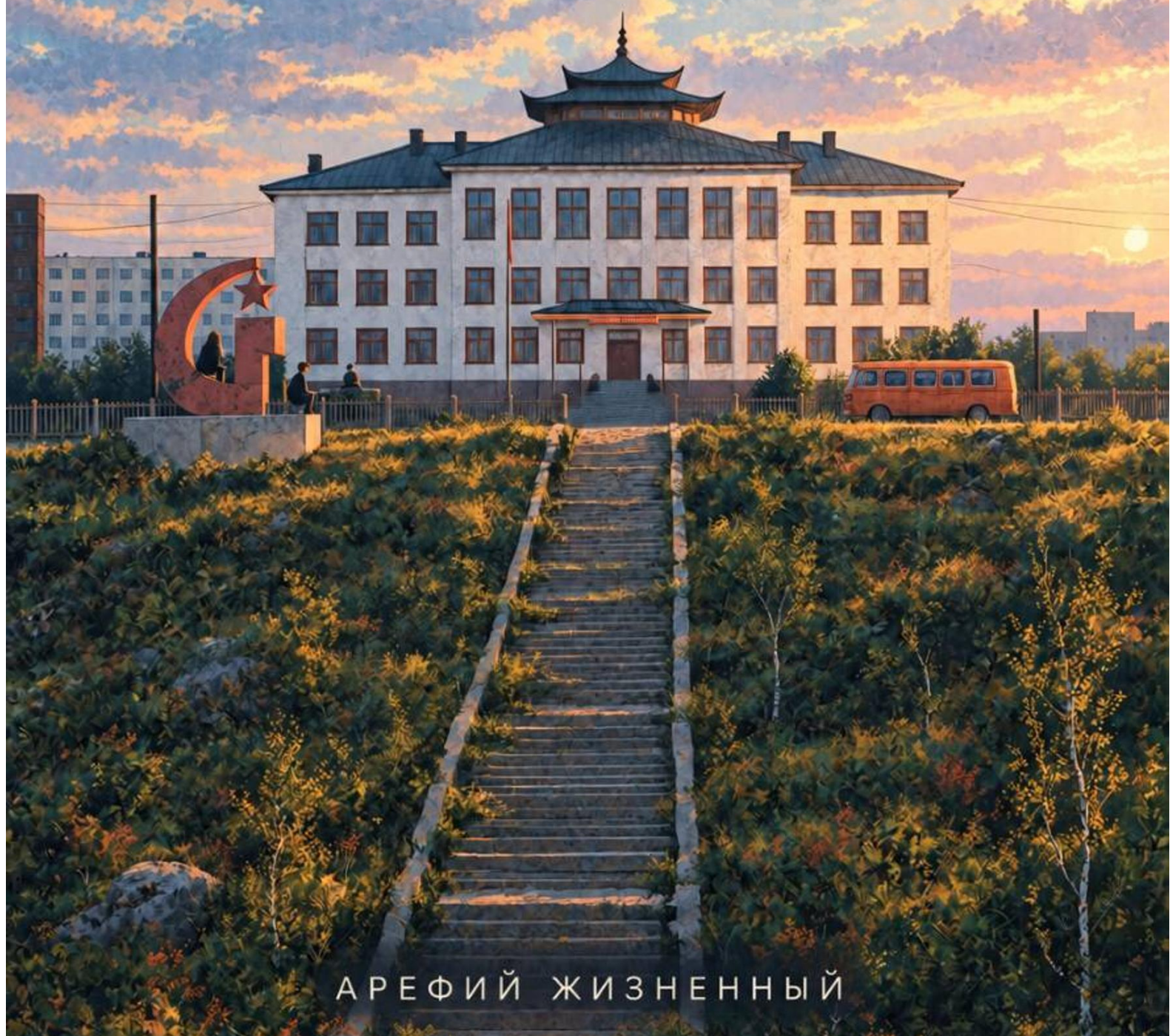

ЗАПОЛЯРНОСТЬ

АРЕФИЙ ЖИЗНЕННЫЙ

Арефий Жизненный

Заполярьность

«Автор»

2026

Жизненный А.

Заполярность / А. Жизненный — «Автор», 2026

Заполярный, 1990-е. Полярная ночь, мороз, гул комбината и панельные дома. Для Славы и его старшего брата Димы это обычный мир: детские будни, прогулки, знакомые дворы и бесконечные игры. Но постепенно в привычной жизни начинают происходить странные вещи. Детские воспоминания, случайные разговоры, северное сияние и события, которым трудно найти объяснение, складываются в историю, где прошлое и настоящее иногда оказываются совсем рядом. Где заканчивается память и начинается реальность? Можно ли остаться собой, если отнять у человека имя, прошлое и привычное ощущение собственного «я»? «Заполярность» — повесть о детстве мальчика, который в результате пережитого в раннем возрасте несчастного случая стал амбидексором. Эта приобретённая особенность навсегда изменила его восприятие мира, открыв дверь в иную, скрытую от других грань реальности.

© Жизненный А., 2026

© Автор, 2026

Арефий Жизненный

Заполярьность

Глава 1

Глава 1

Оксидом серы бережно укутанные сопки,

Сожженная до черной пыли матушка земля.

Как летом солнце взбесится — не отличимы

Дни от ночи,

И в зимней спячке

ночи ото дня.

И ветер северный, несущий едкий дым с факторий

И уносящий перелетных уток крик.

Как это все приятно мне до сладкой боли,

Так и противно до гримас кривых.

Когда сияньем твое небо озаряет

И выстилают звезды млечный путь,

Я где-то рядышком, родная Заполярьность.

Скучаю по тебе и не могу уснуть.

— Арефий Жизненный

Алюминиевые полозья санок двигаются в таком рваном ритме, будто это и не санки вовсе, а малолитражка в плотной городской автомобильной пробке.

Рывок, резкая остановка и снова рывок...

Маленький мальчик, нареченный именем Слава, плотно закутанный в шубу, с завязанным поверх пухлых щечек колючим шарфом, сидит на деревянной скамейке саней и таращит свои сонные голубые глаза во тьму неба полярной ночи. Невероятного размера чернильное пятно, расчерченное острыми иглами световых столбов от уличных фонарей и яркими созвездиями во главе с ковшом Большой медведицы. Он крепко ухватился своими ручонками, спря-

танными в пару рукавичек на резинке, пытаюсь удержать равновесие каждый раз, когда сани то резко останавливаются, то ускоряются..

Рывок, резкая остановка и снова рывок...

Этим утром, в самом начале пути до детского сада, дряхлая верёвка на санках оборвалась. Старшему брату маленького ездока пришлось снимать свои перчатки и наскоро перевязать узел на старом шнурке, который уже и так походил на затертую бельевую верёвку. Подставив под лобызания карачуна свои тонкие белые пальцы, раздосадованному подростку пришлось действовать быстро, чтобы те не онемели от холода.

Верёвка в итоге стала короче и вознице понадобилось какое-то время, чтобы приноровиться: несколько раз мальчик получил санками по пяткам обеих ног.

За ночь навалило много снега, но местные жители микрорайона, которые спозаранку отправились на автобусную остановку или так же везли своих детей в детский сад на санках, будто полярники-первопроходцы, уже вытоптали и укатали тропинку, так, что сани наших героев скользили довольно легко, если не учитывать истории со шнурком.

Рывок, резкая остановка и снова рывок...

Условия полярной ночи, пожалуй, могли бы стать идеальными для каких-нибудь тран-сильванских вурдалаков. Приезжаешь как на курорт, интенсивного солнечного света нет на протяжении полутора месяцев. Лови себе горожан, посасывай кровушку...

Но если бы даже такие твари существовали в действительности, вряд ли бы они сунули сюда свой нос, уж больно лютые тут морозы.

Куколка-пассажир выпускал струйки пара и рассматривал окружающий мир сквозь амбразуру между шерстяным шарфом и нависающим над бровями отворотом массивной шапки из искусственного меха.

Рывок, резкая остановка и снова рывок...

Сани продолжали движение в дёрганом ритме, ездока слегка раскачивало и ему порой казалось, что он вывалится из санок. Как мог он держал равновесие, несмотря на то, что к саням была приделана алюминиевая спинка с боковой поддержкой и в общем-то он был защищён от падения.

Иногда по пути старший брат оборачивался к малышу, чтобы перехватить верёвку другой рукой. Кожа белого худощавого лица ярко контрастировала с тонкой полоской ярко-красных поджатых губ и горящих щёк. Из под сине-белой лыжной шапки с надписью "Slalom" пшеничной прядью торчала чёлка, глаза его были холодного бледно-серого цвета.

Взобравшись на очередной пригорок, этот одинокий караван остановился. С вершины можно было разглядеть деревянные борта утопающей в снегу хоккейной "коробки".

Старший брат приподнял младшего из саней, вытянул руки с этим мохнатым мини-йети перед собой, заглянул ему в глаза, улыбнулся щербатым ртом и опустил мальчика на ноги, одетые в валеночки.

Предстояла, пожалуй, самая неприятная часть пути: ровно посередине маршрута от дома до детского сада нужно было пройти через тоннель, или как местные его называли "арку" между корпусами домов.

Старший взял сани в одну руку, а второй рукой прижал малого к груди. Набрав вошли в арку, разделяющую внутренний двор, образованный выстроенными буквой Г панельных девятиэтажек и главную дорогу, которая окольцевала всю сопку, на которой раскинулся рабочий городок под названием Заполярный.

В арке тускло светила всего одна единственная лампочка на дальней стороне от входа и казалось, что в этом 7-8 метровом тоннеле ещё темнее, чем на улице.

Братьям в нос ударил едкий запах мочи вперемешку с хлоркой и старший ускорил шаг, потащив за собой ребёнка на свежий морозный воздух. Каждый шаг по замерзшему бетону в тоннеле отзывался гулким эхом. Оба мальчика инстинктивно задержали дыхание до самого выхода.

Старший усадил младшего обратно в сани. Они проехали в том же рваном темпе ещё какое-то расстояние, а дальше предстоял крутой спуск, чего с нетерпением ждал старший.

На месте, к которому вышли братья находился продуктовый магазин, стоял газетный киоск, а кольцевая дорога разветвлялась и одна её часть уводила вниз по склону в сторону промышленной зоны: горно-обогательного комбината, шахтных стволов, железнодорожных сетей, каких-то ангаров и огромных размеров отвалов горных выработок.

Всё это распростёрлось перед взором мальчиков в долине, освещённой всё теми же столбами света от большого количества прожекторов и фонарей.

Панорама выглядела одновременно зачаровывающе-прекрасной и зловеще-пугающей. В морозном воздухе из низины доносился монотонный гул электросети, невидимых машин и агрегатов.

Сани остановились на краю склона, который уводил вниз в сторону здания, где располагался детский сад, ясли. По архивным снимкам сегодня мы можем узнать, что здесь же неподалёку когда-то стоял один из палаточных лагерей пионеров-строителей посёлка Ждановка.

Взгляд маленького Славы в очередной раз захватил танец искрящихся в свете фонарей кристаллов, кружащихся в морозном воздухе.

Старший брат вложил в варежки младшего верёвку со словами "упричь ногами в салазки и держись крепче".

Мальчик стал разглядывать потрёпанный шнурок, различил на нём несколько узелков - те места, где верёвка уже неоднократно рвалась.

Как вдруг он почувствовал резкий толчок и сани покатались вниз с горы.

Старший брат разогнал санки и вскочил на короткий край полозьев позади младшего, ухватившись за алюминиевую спинку.

По сторонам замелькали укрытые снежными шапками карликовые берёзки и худенькие осинки, санки ускорились, ещё три метра вниз, ещё четыре. Внезапно левая сторона санок наскочила на непонятно каким образом вылезшую из под снега корягу.

Сани подбросило и развернуло прямо в воздухе, ездовых выбросило из саней.

Старший брат Славы, мальчик одиннадцати лет по имени Дима упал на спину и проехался так на своём школьном портфеле практически до самого железного забора, который прилегал к территории детского сада.

Младшего, трёх с половиной лет от роду Славу, отбросило вправо в сугроб и он врос в него в положении лёжа на спине.

Во время этого происшествия ни один из братьев не вскрикнул и не взвизгнул. Всё происходило будто бы буднично, в какой-то спокойной холодной тишине и только монотонный гул фабрики вдали и звуки от самого падения сопровождали данное действие.

Старший поднялся, отряхнул наскоро свои брюки и стал быстро подниматься обратно вверх по горке, чтобы посмотреть, как там его братишка.

Малыш не двигаясь лежал в сугробе уставившись в небо и выпускал тучками клубы пара. Его шарф наполовину размотался и шапка завалилась ему на затылок так, что он лежал на ней как на подушке.

Ребята встретились взглядом, как тут же младший поднял руку в варежке и указал старшему на небо. Подросток задрал лицо вверх и замер.

Невероятной красоты сцена разворачивалась над их головами. Сияние переливалось так, словно кто-то невидимый отпустил в одном краю небосвода подхваченный солнечным ветром тончайший шёлковый платок и его понесло в противоположную сторону. Затем ещё всполохи, аквамариновый оттенок, изумрудный, ярко-голубой перетекающий в желто-зелёный и обратно в голубой, фиолетовый... Ещё и ещё! Буйство холодных, и в то же время ярчайших северных красок.

Гипнотическое зрелище захватило братьев, течение времени словно бы изменило своё русло, замороженные они так и наблюдали за северным сиянием, пока оно постепенно не рассеялось и последний всполох не растворился в украшенном россыпью звёзд небе.

Внезапно, Слава рассмеялся да с таким заразительным восторгом, что старшего тоже прихватил приступ смеха.

Дима помог выбраться младшему брату из сугроба, подхватил санки и оба, радостно хохоча, побрели к забору по находящейся неподалёку вытоптанной тропинке.

Старший бегло обернулся и разглядел в снегу ту самую корягу, ставшей причиной всей этой ситуации с падением.

«Любишь кататься?» — обратился он к младшему и, не дожидаясь ответа, добавил: «Люби и катайся!»

В саду уже кормили завтраком. Рисовая каша на молоке со сливочным маслом.

В здании было очень тепло, батареи грели жарко. На них были разложены детские рукавички, шерстяные носки и несколько шапок. Пока мальчики поднимались на второй этаж, где находилась группа Славика, снег на валенках начал быстро таять, оставляя на ступеньках пятна талой воды.

Дима помог Славе переодеться возле шкафчика. Отряхнув от снега, он положил уличную одежду на свободную от одежды батарею — сушиться.

Потрепав братишку по голове, Дима попрощался с воспитательницей, предварительно ещё раз извинившись за то, что привёл брата позже положенного времени. И сам отправился в школу.

Слава из маленького медвежонка превратился в типичного советского мальчика в детском саду: ребёнка в шортиках, футболочке, гольфиках и сандалиях.

Пожалуй что впервые он расстался с братом без истерик и слёз. Ирина Олеговна, воспитательница, взяла его за руку и повела к завтраку. Остальные дети уже приступали к играм.

Перед обедом дети выстроились в хороводный круг возле какой-то большой металлической гильзы, стоящей вертикально, будто ракета на стартовой площадке. На продолговатой подставке она сверкала серебристой поверхностью, казалось бы, готовая ко взлёту.

В комнате было темно. Заведующая в белом медицинском халате распоряжалась штатом из двух воспитателей группы. Младший по рангу воспитатель начал вынимать из коробки очки с затемнёнными стёклами, внешне похожие на те, что носили мотогонщики на заре мотоспорта, и помог по очереди надеть их каждому из детей.

Детишки стояли в одних трусиках, переминались с ноги на ногу. Кто-то начинал капризничать.

После непродолжительных уговоров все наконец надели очки.

Заведующая подошла к блестящей металлической капсуле, стоящей посреди детского круга, нажала какую-то кнопку — и одновременно с появившимся чётко различимым низкочастотным гудением комнату залило свечение мощной ультрафиолетовой лампы.

Детские фигуры отбросили на стены и мебель длинные тени.

Заведующая встала в круг к детям, и все вместе они начали движение вокруг лампы. То приподнимаясь на носочки, держа руки на талии, то неуклюже на пятках, то просто останавливались и вытягивались по команде старшего воспитателя.

Для непосвящённого человека со стороны вся эта процессия могла бы показаться каким-то странным экспериментом над детьми.

Но в северных широтах того времени это было обычное явление.

Процедура называется кварцеванием.

Своими тенями эта процессия походила на пляшущих в ночном лесу вокруг костра людей, какого-то шаманского обряда.

Через затемнённые стёкла наш мальчик впервые увидел окружающий мир в непривычном изумрудно-зелёном свете.

Его пробудившееся в тот же миг воображение нарисовало ему сюжет, будто он находится внутри того самого сияния, которое несколько часов назад видел в небе. И вместе с ним, в этом сиянии, существует и весь этот детский садик, и все его обитатели.